

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2016» атты
XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2016»

PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION - 2016»

2016 жыл 14 сәуір
Астана

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2016»
атты XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2016»**

**PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2016»**

2016 жыл 14 сәуір

Астана

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

Ғ 96

Ғ96 «Ғылым және білім – 2016» атты студенттер мен жас ғалымдардың XI Халық. ғыл. конф. = XI Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2016» = The XI International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2016» . – Астана: [http://www.enu.kz/ru/nauka/ nauka-i-obrazovanie/](http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/), 2016. – б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-764-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

ISBN 978-9965-31-764-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2016

барона Николаи близ Выборга: были чудные дни, природа праздновала весну: ярко сияли заливы, - и соловьи, перекликаясь, пели без умолку» [1, 132].

Наиболее яркие воспоминания о парке Монрепо оставила А. Керн. Она посетила Выборг в июне 1829 г проездом, возвращаясь с водопада Иматра вместе с О. Сомовым, М. Глинкой, А. Римским-Корсаковым и А. Дельвигом и записала в своём дневнике: «*Лишь только мы вступили в этот очаровательный сад, называемый, кажется, топ-герос, усталость была забыта и восхищение сопровождало каждый наш шаг... Он нам казался дорогой изящной игрушкой – самой тонкой работы: на лугу разбросаны кусты с душистыми роскошными цветами, тут же на самой середине стоит одна, всего одна берёза: но какая?... просто прелесть!*» [1, 130]

Яркие по описанным впечатлениям записки А.П. Милюкова, дополненные краткими пояснениями О.М. Сомова и эмоциональными замечаниями А.П. Керн, соединенные с подробными сведениями о современности и истории Финляндии Я.К. Грота, - все вместе эти записки создавали содержательное повествование, которое могло быть интересным и полезным для путешествующих, и делали уже заранее привлекательной поездку в Финляндию с обязательным посещением «уютного старого Выборга».

Итак, веками в русской литературе создавался образ Финляндии. Русские донесли до читателя через книги и периодические издания все, что их волновало в Финляндии в разные периоды такой разнообразной жизни. Все сливается в монолог о Финляндии, в котором одна из прекраснейших глав посвящена «уютному старому Выборгу». Выборг в творческом наследии русских литераторов-путешественников первой половины XIX века предстал в разных ликах: природном, социальном, экономическом, человеческом. Но главное божество – его природа. Выборг изумляет по-прежнему камнем, лесом, водами. А олицетворением России в старинной литературе путешествий в Финляндию остаётся береза-красавица на берегу Финского залива, отошедшая от роскошного замка и любующаяся им издали.

Список использованных источников:

1. Кепп Е.Е. Выборг: Художественные достопримечательности: Краеведческое издание. – Выборг: «Фантаст», 1992 – 250 с.
2. Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. – М., 1989. – с. 65-66.
3. Милюков, А. Очерки Финляндии: Путевые записки А. Милюкова 1851–1852 г. СПб., 1856.– с. 79-89.
4. Приймак Н.И. Гельсингфорс 40-х годов XIX века в воспоминаниях Я.К. Грота // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. СПб., 2011. Вып. 6. – С. 70-72.
5. Реквизит №30 (182) / 09.08 – 15.08.2010 Выборг. Мон-Repos.
6. Реквизит № 40 (192) 18, 10-24.10.2010 Четыре дня в Финляндии. Письма к одному приятелю в Москву.

УДК 821.512.122: 398

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК)

Мурзалинова Сабина Кайратовна

sgpi@mail.ru

магистрант 1 курса филологического факультета

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Научный руководитель – д.ф.н., доц. Ж.А.Джамбаева,

Известно, что сказка, вошедшая в жизнь человека еще с давних пор, является своеобразной историей и сокровищницей народной мудрости, а также универсальным

средством передачи тех представлений об окружающем мире и самом человеке, которые складывались у людей в каждую историческую эпоху. Сказка – это яркое проявление народной культуры каждой нации. Она содержит в себе такие сюжеты, образы, ситуации, которые специфичны для определенного этноса, что находит выражение в именах действующих лиц, названиях животных и растений, месте действия, в самобытных традиционных языковых формулах.

Исследовательская литература, посвященная фольклорной формуле как конституирующему факту устнопоэтического текста, огромна и разнообразна. Формула – одна из основных универсалий фольклорного текста, во многом создающая «фольклорное повествование». Благодаря формульности текст авторской сказки часто «принимает облик» народной.

Большинством исследователей выделяются константные признаки, присущие сказочным формулам: стереотипность, устойчивость, повторяемость, а также вариативность. Но при этом термин «формула» понимается и трактуется весьма неоднозначно.

Под традиционными формулами сказки понимаются отмеченное национально-культурной спецификой клишированное сочетание слов, характеризующееся стабильностью состава и языкового оформления, устойчивостью в процессе передачи традиции, цельностью формульного значения. По определению Н.М. Герасимовой, традиционная формула в сказке – это «структурно организованный отрезок повествования, закрепляющий определенный смысл в форме устойчивого стилистического оборота» [1, 23]. Другими словами, традиционные формулы сказки – это универсальные модели, предоставляемые в распоряжение сказочника традицией, это схемы, в которые рассказчик вкладывает материал, модифицирует сюжеты, сохраняя при этом форму.

Самой известной теоретической работой в области традиционных формул остается исследование Н. Рошияну [2], по мнению которого, традиционные формулы сказки представлены тремя группами – инициальные (в начале сказки), медиальные (формулы в середине повествования) и финальные (заключительные).

Инициальные (начальные) – это формулы, открывающие сказочное повествование, сложившаяся система введения слушателей в сказочный мир, в сказочную атмосферу, представляющая основных персонажей, обозначающая исходную ситуацию, своего рода экспозиция, которая определяет время и место сказочного повествования.

Н.М. Герасимова выделяет пять типов инициальных формул:

- 1) формулы существования героев;
- 2) формулы наличия или отсутствия (кого-либо или чего-либо);
- 3) формулы времени («хронологические»);
- 4) формулы пространства («топографические»);
- 5) формулы недостоверности [1; 3].

Самым распространенным типом, по мнению исследователя, являются формула существования героев и, примыкающие к ним, формулы наличия или отсутствия кого-либо или чего-либо (детей, средств к существованию, здоровья и т.п. – В.Я. Пропп обозначает этот элемент термином «недостача» [4, 197]).

Названные формулы непосредственно не связаны с развитием сказочного действия, а лишь вводят в текст второстепенных персонажей – чаще всего родителей героя с указанием на их социальный статус и семейное положение. самого главного героя сказка редко представляет в зачине.

В русской сказке эти формулы хорошо известны (*...жил-был царь с царицею (купец, старик со старухой и т.д.), было у отца три сына*). Как правило, зачины русских сказок в большинстве случаев лаконичны и содержат минимум информации о родителях героя.

В отличие от них зачины многих казахских волшебных сказок более развернуты и включают национально окрашенные представления о достатке и благополучии, некоторые «частные» подробности. Особенность их также в том, что нередко упоминаются имена родителей героя (в русской сказке они, за редким исключением, безымянные).

Обратимся к примерам из популярных классических казахских волшебных сказок. Здесь можно выделить следующие виды зачинов:

1. Развернутые зачины, характеризующие социальное и семейное положение героя:

–*Ерте заманда Ерназар деген кісі болыпты. Ерназардың өзі бай болыпты. Қора толған қойлары болыпты. Матау толған түйелері болыпты. Өріс толған жылқылары болыпты. Ерназардың сегіз ұлы болыпты* // «Ер Төстік». (В ранние времена жил бай по имени Ерназар. Кошары его были полны овец, загоны – верблюдов, пастбища – лошадей. У Ерназара было восемь сыновей // «Ер-Тостик»).

–*Ерте-ерте ертеде, ешкі құйрығы келтеде, Қаратаудың ойында, Қарасудың бойында Қазанқап деген бір кедей болыпты. Қазанқап құс атып күн көреді екен, әйелі ау тоқып, жасау жамайды екен, осылай өз күндерін өздері көріп, жүре беріпті* // «Керқұла атты Кендебай». (В давние-предавние времена, когда у коз еще не отросли хвосты, в долине гор Каратау, на берегу реки Карасу жил бедняк Казангап. Перебивался он тем, что охотился на птиц и ловил рыбу, а жена его плела и чинила сети // «Кендебай на коне Керкула»).

2. Краткие зачины, характеризующие социальное и семейное положение героя:

– *Өткен заманда бір бай болыпты, ол бір перзентке зар болыпты, зарыға жүріп перзентті болыпты* // «Алтын сақа». (В минувшие времена был один бай, который горевал от бездетности, наконец, судьба даровала ему дитя // «Золотая бита»).

– *Ілгергі бір замандарда Жүзбай деген бір бай болыпты. Оның Алпамыс деген бір ұлы бар еді* // «Алты жасар Алпамыс». (В прежние времена был бай по имени Жүзбай. У него был сын по имени Алпамыс // «Шестилетний Алпамыс»).

– *Баяғы заманда атақты бір патша болыпты. Оның күндей сұлу үш қызы, айдан аппақ бір ұлы болыпты* // «Ағаш ат» (В давние времена был один знаменитый хан. У него было три дочери прекрасные как солнце и сын светлее луны // «Деревянный конь»).

3. Зачины, вводящие слушателя в действие сказки:

– *Бұрынғы өткен заманда бір жесір кемпір болыпты. Бұл кемпірдің перзент дегенде жалғыз баласы болыпты, мал дегенде он шақты ешкісі болыпты. Бала ешкілерін бағып жүреді. Бір күндерде ешкілерін далада жайып жүріп, бір топ киікті көреді, оның ішінде бір алтын мүйізді киік жүреді* // «Күн астындағы Күнікей қыз». (В давние времена жила одна вдовья старуха. У нее был единственный сын и с десятков коз. Пас он однажды коз и увидел в степи стадо ланей. Среди них выделялась одна пестрая, с золотыми рогами // «Красавица Кункей»).

Сопоставительный анализ показывает, что казахские сказки в использовании, отмеченных Н.М. Герасимовой, первых двух типов инициальных формул (формулы существования героев и формулы наличия или отсутствия кого-либо или чего-либо), в отличие от русских разнообразнее и тяготеют к описанию этнографических картин, бытового колорита, хозяйственной деятельности. Например:

– *Қазанқап құс атып күн көреді екен, әйелі ау тоқып, жасау жамайды екен, осылай өз күндерін өздері көріп, жүре беріпті* // «Керқұла атты Кендебай». (Казангап перебивался тем, что охотился на птиц и ловил рыбу, а жена его плела и чинила сети // «Кендебай на коне Керкула»).

Для сказок каждого народа характерен, как правило, один тип инициальных формул: или формула времени, или формула пространства.

Топографическая формула указывает на географически неопределенное пространство, которое имеет различные синонимичные варианты (*В некотором царстве, в некотором государстве...; В некоем царстве, в некоем государстве...; За тридевять земель, в тридесятном государстве ...*).

Определения времени, как правило, отсутствуют в инициальной формуле русской сказки, функцию «датирования» действия выполняет, в основном, прошлое время глагола (*жили-были*) и различные вариации на эту тему (*бывали-живали* и т.п.).

В казахских сказках отмечается противоположная тенденция, когда приоритетным является датирование, указание на время происходящих событий, а не на место.

С пространственной неопределенностью места действия, характерной для русских сказок и выражаемой топографической формулой типа *в некотором царстве, в некотором государстве*, коррелирует характерное начало казахских сказок в виде хронологической формулы *ертеде* (давно), которая выступает как первый и основной маркер временной неопределенности (отсюда и обозначение термина казахской сказки – *ертегі*).

Такое начало казахской сказки закреплено традицией, оно создано и отшлифовано в ходе ее длительного живого бытования. Сказочник, используя такой зачин, действует как знаток и последователь традиции. Однако это не исключает его творческого начала, которое проявляется в определенной избирательности. Сохраняя общую схему (форму) хронологической инициальной формулы, призванной выразить неопределенность сказочного времени, исполнители казахских сказок выбирают разный лексический материал, создавая этим многообразные варианты. Так, кроме традиционного маркера времени *ертеде*(давно), рассказчики использовали и другие лексические индикаторы сказочного времени. Иногда сказочники, стремясь особо подчеркнуть давность событий и вневременной характер сказки, использовали в рамках хронологической инициальной формулы лексический повтор: *ерте, ерте, ертеде* (давно, давно, давно). Некоторые из таких зачинов могли иметь не один, а несколько вариантов, указывающих на время: *Баяғы заманда* (в стародавние времена); *Ілгергі бір замандарда* (в прежние времена); *Өткен заманда* (в минувшие времена); *Ерте заманда* (в ранние времена).

Все эти варианты определения времени имеют один и тот же смысл, эксплицируют выключенность сказки из реального времени, подчеркивают, что темпоральные аспекты событий – панхроничны, придуманы.

Если инициальные формулы переносят слушателя/читателя в сказочный мир, то функции финальной формулы в сказке прямо противоположны ей.

Исследователи обычно выделяют две основные разновидности финальных формул:

- 1) формулы существования героев;
- 2) формулы пира.

Финальные формулы существования героев довольно разнообразны, среди них можно выделить два подтипа:

- а) формулы, представляющие собой констатацию конечного благополучия;
- б) формулы, утверждающие бессмертие героев [1, 25].

Установлено, что на первом месте по частоте употребления в сказках стоят финальные формулы, представляющие собой констатацию благополучия. Так, типичной для русской является следующая форма исхода: *стали жить-поживать да добра наживать*, для казахской – *сөйтіп, мұратына жетіпті* (таким образом, они (т.е. герои сказки) – достигли своей цели).

В русской сказке формула конечного благополучия иногда может дополняться вариантами второго подтипа *и теперь живут, и сейчас еще живут-поживают*, утверждающими бессмертие героев и выступающими в роли своеобразного послесловия.

Для казахской сказки такое продолжение нехарактерно. Здесь вместо «послесловия» едва ли не обязательным становится «предисловие» к формуле *сөйтіп, мұратына жетіпті*, подводящее итог всему повествованию, сообщающее о восстановлении справедливости и торжестве добра над злом, а также расставляющее все точки над *i*.

Другой часто употребляющейся финальной формулой в сказках является формула пира. Основная ее функция в русских сказках – «вести в круг действующих лиц сказки самого рассказчика и представить его участником сказочных событий» [1:26]. Такой финал в шутливо-балагурной форме подчеркивает вымышленность, недостоверность всего рассказанного: *Устроил пир на весь мир, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало*.

Формула пира же в казахской сказке: *отыз күн ойын, қырық күн тойын істеп* (устроил тридцать дней веселья, сорок дней пира) призвана поразить внимание слушателей, удивить их размахом и масштабностью действия.

Таким образом, изучение языка русских и казахских волшебных сказок с учетом национально-культурной и сюжетной специфики требует системного анализа традиционных формул. В ходе сравнительного анализа установлено, что большинство формульных конструкций русских волшебных сказок имеет свои семантические, стилистические и функциональные эквиваленты в казахских волшебных сказках. Вместе с тем, как в русских, так и в казахских волшебных сказках традиционные формулы являются выражением культуры народа, отражая культурно обусловленное восприятие мира и национальный характер.

Список использованных источников:

1. Герасимова Н.М. Формулы русской сказки: К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры // Советская этнография. – Москва, 1976. – № 5. – С.18-28.
2. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.
3. Герасимова Н.М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. – Л.: Наука, 1978. – Т. XVIII. – С. 173-180.
4. Пропп В.Я. Русская сказка. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 335 с.

УДК 811.161.1

«ПТИЦА» КАК СИМВОЛ «СЧАСТЬЯ»/«НЕСЧАСТЬЯ» В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО КАЗАХСТАНЦА

Мусабаева Динара Карпиковна

Musabaeva.d@bk.ru

студентка 3 курса филологического факультета

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Научный руководитель – д.ф.н., проф. Е.А. Журавлева

Современная лингвистика характеризуется отношением к языку не только как к средству коммуникации, но и как к системе, создающей возможности для «упорядочения и систематизации в памяти множества знаний, для построения характерной для каждого данного этнокультурного коллектива языковой картины мира» [1, 11]. По этой причине в последнее время все большее внимание ученые уделяют когнитивной лингвистике.

Одно из ключевых понятий когнитивной лингвистики – «концепт», под которым мы, вслед за российским исследователем В.И. Карасиком, понимаем «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2: 91].

Предметом нашего исследования выступает концепт «птица». Выбор концепта обусловлен его многозначностью, высокой частотностью употребления, а также богатым содержанием.

Отметим, что исследованию выбранного нами концепта «птица» уже были посвящены работы известных ученых (Жакупова А.Д., Волкова В.Б., Москаленко А.В., Казимир И.И. и др.), которые рассматривали его либо в системе иностранной языковой картины мира, либо как компонент художественного текста. В нашем же исследовании концепт «птица» рассматривается как элемент языковой картины мира русскоязычных казахстанцев, вне зависимости от их национальной принадлежности.

В 2015 году в городе Астана нами было проведено социолингвистическое анкетирование. Общее количество респондентов составило 100 человек разных национальностей в возрасте от 17 до 66 лет.

Основной целью анкетирования было выявление фоновых знаний респондентов, связанных с концептом «птица», в полиэтнической среде Казахстана. Респондентам было предложено представить ассоциации, связанные со словом «птица», вспомнить пословицы и